

ХЛЕБНАЯ ТОРГОВЛЯ МОСКВЫ В 30-х ГОДАХ XVIII СТОЛЕТИЯ*

Б. Кафенгауз

Перед советской исторической наукой стоит задача—разработать историю русской торговли и уяснить образование всероссийского рынка. Москва являлась крупнейшим узлом торгового движения, связывала внутренний рынок с отдалёнными окраинами и приморскими портами и, можно сказать, царил во внутреннем товарообороте. «Московская торговля столь обширная, что она почти знатнейшую часть всеобщей российской торговли в себе заключает, и чем прочие города Российской империи по-частности славятся, то в Москве, будучи смешано во множестве, теряет вид и исчисление»,—читаем в описании Москвы 1787 года¹.

В Москве сходились торговые пути, сухопутные и водные, являвшиеся основными артериями страны, соединявшие старую столицу с ближайшими городами густо заселённого центрального района.

Водным путём служила Москва-река в сочетании с Окой, Волгой и её притоками. По этому пути шли грузы с юга, от Орла и Калуги; передаточным пунктом в этом движении была Коломна. С Волги торговое движение шло двумя путями: 1) от Нижнего Новгорода Окой и далее рекой Москвой, 2) или Верхней Волгой до Ярославля, или до устья р. Дубны, правого притока Волги, где находилась Дубенская пристань, всего ближе расположенная к Москве; отсюда грузы жужом доставлялись в Москву.

Пересекавшиеся в Москве сухопутные дороги были многочисленны и сильно разветвлены. Отчётливое представление об этих путях даёт М. Чулков в своём многотомном «Историческом описании российской коммерции» (1786 г.). Он перечисляет московские заставы, от каждой из которых начиналось по несколько дорог. В Москве было 18 застав, общее число дорог равнялось 23. Часть из них составляли «малые», или просёлочные, дороги, которые на небольшом расстоянии от столицы сливались с важнейшими магистралями или оканчивались в бли-

жайших городах Московской губернии. Но добрая половина, 12 дорог, соединяла Москву с отдалёнными частями государства. Рассмотрим эти дороги в порядке, описанном М. Чулковым, переходя от заставы к заставе, отделяя вместе с тем важнейшие пути от второстепенных и местных дорог².

От Тверской заставы у Ямской-Тверской слободы начинались две крупные дороги: Санкт-Петербургская, шедшая мимо Бутырской слободы, соединявшая Москву с новой столицей и важнейшим портом, и Тверская, направлявшаяся через город Клин и далее на Тверь. От Дорогомилловской заставы шла Можайская дорога, соединявшая Москву с Можайском, Вереей, Дорогобужем и связывавшая центр с западными губерниями, Прибалтикой и Польшей. От Калужской заставы начиналась Калужская дорога, шедшая к Малоярославцу, Калуге, Орлу и Брянску и далее на Украину. За Серпуховской заставой, расположенной между Донским и Даниловским монастырями, шли две дороги — Серпуховская и Каширская,— первая прямо от села Котлов, вторая от него «проехав несколько влево». По этим дорогам «в Москву приезжают из Серпухова, Тульского, Орловского, Курского, Воронежского и Харьковского наместничеств, из Киева, Новороссийской и Азовской губерний, из Крыма и изо всех турецких областей, из Каширы, Зарайска, Ельца, из Черкасского, от рек Дона и Хопра, из Азовского и Таганского портов». За Татанкой находилась Коломенская, или Покровская, застава, к которой вели дороги Коломенская и Касимовская, шедшие вместе до села Люберец, где они разветвлялись. «По сным в Москву приезжают из Коломны, Рязани, Пронска, Рязьска, Тамбоса, Хоперской крепости, Астрахани, Моздока, из Перми и Грузин; по Касимовке — из Касимова, Пензы и Саратова»,— говорит Чулков³.

На восток и север от Москвы шли следующие дороги. От Рогожской заставы начиналась знаменитая «Володимерка», соединявшая старую столицу с Азией. По ней «приезжают из Володимирского, Нижегородского, Казанского, Пензенского, Сим-

* Из подготавливаемого автором исследования по истории внутренней торговли России в XVIII веке.

¹ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии, стр. 6. М. 1787. То же повторено у Щекатова. Словарь географический, часть IV, отделение I, стр. 366. М. 1805.

² Чулков М. «Историческое описание российской коммерции». Т. VI. Кн. 1-я, стр. 550—554. М. 1786.

³ Чулков в. Цит. произв., стр. 551—552.

бирского, Пермского и Вятского наместничеств, из Оренбургской, Тобольской и Иркутской губерний, из Уральска, Бухары, Хивы и Китая⁴. От Преображенской заставы шла дорога Стрмынка, направлявшаяся к Юрьеву-Польскому и Суздалью. У Переяславской, или Троицкой, заставы начиналась Троицкая дорога, которая вела на Троице-Сергиеву лавру, Переяславль, Кострому, Галич и далее на Вологду, Устюг и к Архангельску. Наконец, от Дмитровской, или Миусской, заставы, находившейся у Сущёвской слободы, шли Дмитровская и Рогожская дороги, по которым приезжали из Дмитрова, Рогачёва, Кашина, Пошехонья и Вологды. Остальные дороги являлись «малыми», или просёлочными. Несколько дорог соединяли столицу с ближайшими пунктами Московской губернии.

Настоящая статья посвящена изучению хлебной торговли, главным образом привозу хлеба в Москву, в первой половине XVIII столетия. Хлеб шёл водой по Оке и Москве-реке, а также гужом из ближайших к Москве Рязанского, Тульского районов, из Коломны и т. п. — по многочисленным, ведшим к столице путям. Основным источником для выяснения характера хлебной торговли и её организации и для изучения внутренней торговли этого времени является делопроизводство внутренних таможен, которые просуществовали до отмены в 1753 г. внутренних пошлин. Только десять лет спустя после их отмены хлебный рынок стал перестраиваться в связи с разрешением (по указу 28 марта 1762 г.) свободного экспорта хлеба через все порты. До этого хлебная торговля была рассчитана преимущественно на внутреннее потребление. Вследствие этого делопроизводство внутренних таможен позволяет получить представление о той организации хлебного рынка, которая своими корнями уходила далеко в прошлое, создавалась ещё в XVI—XVII вв. и, вероятно, без больших изменений перешла в XVIII столетие.

«Таможенные книги» за XVIII столетие, оставшиеся от этого делопроизводства, ещё не были предметом систематического изучения. В литературе имеются отдельные этюды, основанные на этом материале: напечатанные до революции статьи А. А. Кизеветтера о торговле города Вятки и акад. Ю. В. Готье о торговле Клина в XVIII столетии и отдельные статьи ряда советских историков по истории внутренней торговли XVII столетия — С. В. Бахрушина, К. В.

⁴ Чулков. Цит. произв., стр. 551—552.

⁵ Готье Ю. «К вопросу об изучении внутренней торговли в XVIII стол.» (Сборник статей, посвящённых С. Ф. Платонову. СПб. 1911). Кизеветтер А. «Делопроизводство внутренних таможен» (Сборник статей, посвящённых В. О. Ключевскому. М. 1909). Базилевич К. «Таможенные книги, как источник для экономической истории» (Проблемы источниковедения. Т. I. 1935). Бахрушин С. «Торги новгородцев Кошкиных» (Учёные записки Московского государственного университета. 1940). Макаров И. «Золотистые торжки в Сольвычегодском уезде в XVIII в.» («Исторические записки». Изд. АН СССР. Т. I. М. 1935); е го же «Пушной

Базилевича, Н. А. Баклановой, С. А. Макарова, К. Митяева и др.⁶ Настоящая статья является частью предпринятой автором более широкой разработки материалов по данному вопросу за XVIII столетие.

Сбором внутренних пошлин в Москве в XVIII столетии ведали до десяти таможен. Важнейшее значение имела помещавшаяся в торговом центре Москвы, в Китай-городе, Большая московская таможня. Здесь регистрировалась для сбора пошлин большая часть привозившихся в Москву товаров. Хлебная торговля подлежала ведению особой, Померной таможи. Мытная таможня взимала пошлины за привозимый скот, имевшая особая таможня для сборов со мёла, мёду, с воска и с холстов⁷, в отдельной Табашной таможне взимались пошлины с продажи табака, трубок и игральных карт; Плесовская таможня ведала сплавленным лесом; Хомутная таможня собирала пошлины с ямщиков и подвод; особая таможня взимала сборы с мехов и кож.

Померная таможня ведала сбором пошлины с оптовой и розничной торговли хлебом в зерне и в муке, а также с продажи гороха, льна, конопли и взимала оброк в пользу казны с торговли калачами и всякой съедной вразнос. В Померной таможне велась регистрация привоза в Москву хлеба гужом, на возах; наряду с этим таможня облагала пошлинами и хлеб, привозимый водой, по Москве-реке. От делопроизводства этой таможи сохранился отрывочный материал за разные годы первой половины XVIII века. Но, несмотря на свою неполноту, книги Померной таможи содержат обширный материал, с трудом поддающийся сводной обработке.

Характер деятельности Померной таможи в XVIII столетии, позитивному, не изменился по сравнению с предшествующим XVII в., от которого не сохранилось делопроизводства «Померной избы», как она тогда называлась, но остались два наказа её руководителям, или «головам», и некоторые документы, освещающие службу купцов в этой таможне. Эти документы использованы в специальной статье Н. Оглоблина о Московской Померной избе в XVII веке⁸. В 1681 и 1697 гг. были даны обширные указы должностным лицам Померной избы. Наказы отчётливо вскрывают порядок регистрации привозного хлеба и взимания пошлин в конце XVII века⁹.

Померная изба управлялась в 1697—1698 гг. двумя видными купцами, входившими в «гостиную сотню». Вместе с ними службу при таможенных сборах несли 12 человек от московских сотен и слобод. В наказе «головам» предписывается брать помер-

рынок Сольвычегодска в XVII в.» («Исторические записки». Т. 14. 1943). Митяев К. «Обороты и торговые связи Смоленского рынка в XVII в.» («Исторические записки». Т. 13. 1942).

⁸ Оглоблин Н. «Московская Померная изба». «Чтения. Общества истории и Древностей Российских» № 2 за 1889 год.

⁹ Полное собрание Законов. Т. II, № 874 от 11 августа 1681 г. и т. III, № 159 от 20 августа 1697 года.

ные пошлины как с посадских людей, московских и иногородних, так и с крестьян и служилых людей, привозивших в город хлеб. Пошлиной облагались пшеница, рожь, овёс, ячмень, солод, горох, бобы, пшено, крупы гречневые, овсяные, житные, семя конопляное, толокно, мука пшеничная и ржаная, репа, грибы сухие, грузди солёные, мочёные ягоды, клюква, брусника. Пошлина установлена была в размере 10 денег с рубля, т. е. в 5% с продажной цены. Померная изба наблюдала также за правильностью мер, чтобы «во всех житных рядах и на Болоте и на стругах» и т. п. применялись правильные меры. Предписывалось следить за тем, чтобы купцы верно записывали в таможенные цены, не понижая их в целях сокращения платежа пошлин. Кроме того из Померной избы посылались целозальники с ящиками на бойкие торговые места Москвы, «по большим улицам и слободам и крестцам» для взимания пошлин с небольших количеств привозимого хлеба. Наказ устанавливал, что перекупщики, скупавшие хлеб на торгу у, приезжих людей, также обязаны вносить пошлины с «перекупного хлеба». Особое внимание обращалось на взимание пошлин с хлеба, привозимого водой на стругах. Должностные лица таможи, её «голова» и «ларечный» обязаны сами осматривать суда с хлебом, допрашивать относительно количества хлеба, цены и т. п. и «то всё писать в книги». Наказ свидетельствует об обычаях московских купцов скупать хлеб за пределами города, по дорогам и по улицам и за Земляным городом, причём цены искусственно поднимались посредством стачки («вязка»): такого рода приёмы спекулятивной хлебной торговли Наказ решительно запрещает. В заключение отмечается, что отсрочка в уплате пошлин может даваться только при наличии поручителей, обязанных подписью удостоверить своё поручительство, и т. п. Этот порядок взимания пошлин сохранился и в XVIII в. в Московской Померной таможе, как стала называться иречья Померная изба.

В настоящей статье сделана попытка разработать часть неполностью сохранившегося материала Померной таможи с хлебной торговле Москвы за 30-е годы XVIII столетия. Прежде всего заслуживает внимания книга записи привоза в Москву хлеба водой по Оке и Москве-реке. Она носит название «Книга записная на привозной в Москву стругами хлеб нынешнего 1737 году». Каждый торговец должен был получить в пункте покупки хлеба таможенную выписку на свой товар, которую он затем предъявлял по приезду в Москву в московской таможе, где она вписывалась в книгу для дополнительной уплаты пошлин согласно продажной цене. Почти каждую запись можно разделить на две части, записанные двумя или даже тремя разными почерками. В начале её указываются дата записи, место или таможня, откуда привезён хлеб, имя и фамилия купца, количество хлеба и приведена расписка поручителя, ручавшегося в

уплате пошлин. Затем, повидимому, через некоторый промежуток времени отмечено, по каким ценам продан хлеб в Москве, сколько взято пошлины с продажной цены. В заключение отмечена дата выдачи записи об уплате пошлин и имеется расписка лица, получившего выписку из книги⁹.

Таким образом, эта книга даёт нам сведения о количестве завезённого хлеба, о продажных ценах на хлеб в оптовой торговле в Москве, о размерах пошлин и сборах, о судах (коломенках), на которых привозился хлеб. В таможенных книгах записывалась общая сумма хлеба в натуре и в денежной стоимости по покупной цене на месте закупки. С этой цены пошлина уплачивалась на месте закупки. Кроме того указывается «прибылая цена», т. е. насколько выше была продана эта партия хлеба в Москве и какая с этой суммы взята добавочная пошлина. Таможенная книга позволяет вместе с тем представить состав хлеботорговцев.

В книгу внесено 119 таможенных «явок», из которых 99 по выписям Орловской таможи, т. е. эти партии хлеба везли в Москву из Орла; 16 «явок» — по выписям Мценской таможи и 4 из Белоозера, Дединова, Спасска и Калуги. Таким образом, подавляющее количество записанных грузов шло из Орла: 20 партий хлеба, вывезенных из других пунктов, были невелики по количеству и по стоимости. Записи свидетельствуют о неравномерном привозе хлеба в Москву за время навигации, с 24 апреля по 25 ноября 1737 года. Главная масса судов приходила в Москву весной, и больше всего внесено «явок» в книгу под тремя числами — 24, 25 и 26 апреля. За эти три дня поступило 89 партий хлеба из общего числа 119.

Сколько было всего судов, определить по нашему точнику нелегко, так как не всегда обозначено, что хлеб привезён на определённом судне. Всего можно насчитать не менее 116 судов, из них 108 шли в Москву из Орла. Для некоторого сопоставления могут быть полезны данные географического

⁹ Вот образец явки из этой книги: «Явил калужский купец Герасим Матвеев по зачётной выписи Мценской таможи сего 1737 году апреля 4 дня в коломенке хлеба: 140 кулей муки ржаной 670 чtv. ржи, 57 чtv. гречи, 30 чtv. овса; в пошлинах порука калужанин Митрофан Петров сын Переплётчиков и руку приложил, и оный хлеб в Москве в продаже: мука по рублю пошти копеек куль, рожь по восьмидесяти копеек, гречи и овёс по семидесяти по пяти копеек четверть; овсей цены семьсот сорок девять рублей шестидесять пять копеек. Пошлин зачёту с четырёх сот с двадцать трёх рублёв с тридцати копеек, по две копейки с половиной с рубля, итого десять рублёв пятьдесят восемь копеек с четвертью; с прибылой цены с трёхсот двадцати шести рублёв тридцать одна копейка; от пристани рубль; накладных два рубля пятьдесят семь копеек с осомо — взято и выписи дана сентября 20 дня 1737 года. Оную выписку вышеписанного Герасима Матвеева приказчик его Семён Хотынецев взял, а вместо его расписался калужанин Иван Павлов».

⁹ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Ф. Камер-коллегия, книги тамож., вязка 24, кн. 73.

словаря Щекатова, который указывал в самом начале XIX столетия, что в это время ежегодно отправляются из Орла в Москву от 300 до 350 судов, «кои нагружаются всякого рода хлебом, крупичатой и ржаной мукой, конопляным маслом, мёдом, пенькою и т. п.»¹⁰ Наиболее распространённым типом судов были коломенки, или «малые коломенки» и «новоманерные коломенки», и барки. По данным 48 «явок», коломенка подымала от 1200 до 1800 четвертей хлеба, а в 18 случаях — от 800 до 1200 четвертей, в остальных — меньше количество¹¹.

Согласно нашему источнику, всего было привезено в Москву 147 308 четвертей всякого хлеба. Первое место занимает рожь — 88 113 четвертей, или 59,8%, следующее место принадлежит ржаной муке — 24 717 четвертей, или 16,6%; таким образом, на долю ржи в зерне и в перемолоте приходилось 76,4% всего привоза. Кроме того имел место привоз пшеницы — 20 307 четвертей, что составляет 13,8% от общего количества. Остальные грузы не играли большой роли: ячмень — 2693 четверти, греча — 7211 четвертей, затем крупа гречневая, горох и конопля.

Весь этот хлеб по продажным московским ценам оценивался в 146 943 руб. или по ценам конца XIX в. около 1 460 000 рублей. Соотношение отдельных хлебов в ценах было иным, чем в натуре: рожь стоила 67 155 рублей, что составляло 45,7%. Пшеница, которая по весу занимала 13,8%, составила сумму в 40 866 руб., или 27,8% общей суммы привоза.

Основная масса грузов, именно 117 969 четвертей, или 80%, пришла в Москву в апреле, 27 258 четв., или 18,5%, в мае и лишь 2081 четв., или 1,3%, в июле—ноябре. Таким образом, в наших записях мы имеем дело главным образом с весенним привозом хлеба в Москву, поступающим почти исключительно в апреле—мае. Вероятно, в более позднее время сплав из Орла был затруднён вследствие мелководья.

Всего больше хлеба поступило из Орла: 134 217 четвертей (около 1,2 млн. пуд.), или 91,1% общего количества, из Мценска — 11 701 четверть, или 7,9%, и из прочих пунктов только 1390 четв., или менее 1%.

Для сопоставления с приведёнными цифрами можно указать данные движения хлебных грузов по Оке и Москве-реке в первой половине XIX в., до железнодорожного строительства, приведшего почти к полному прекращению сплава хлеба по Оке. По данным специальной экспедиции Вольно-Экономического и Географического общества, с Орловской пристани отправлялось ежегодно (до открытия железных дорог) около

1½ млн. пудов. Из этого количества главная масса шла в Москву¹².

Несравненно меньшую роль играл XVIII в. в качестве отправителя хлеб Мценск. По данным, собранным той же экспедицией, накануне освобождения крестьян сплав хлеба из Мценска также сильно упал: сплав из Орловской пристани и ставлял в 1858 г. 268,1 тыс. пудов, достигнув в 1861 г. 428,4 тыс. пудов.

Во всяком случае, можно сказать, что это направление хлебных грузов к Москве XVIII в. без больших перемен сохранилось до 60-х годов XIX столетия и было нарушено лишь с появлением железных дорог, по которым хлеб из Орла шёл в том же направлении в Москву, но одновременно и в совершенно новую для данного района сторону, к портам Балтийского моря, главным образом в Ригу.

Хлеб из других пунктов поступал в течение июля, октября и ноября. Объясняется это тем, что эти пункты были преимущественно пристанями, расположенными по нижнему, более подтопному течению Оки. К ним относятся село Дединово, лежащее в 25 верстах от Коломны и знаменитое своим судостроением (здесь строились почти все суда, идущие по Оке и Волге), село Спасское, Рязанской губ., имевшее по выражению Щекатова «пристань немалую»¹³, село Белоомут, Рязанской губ., и Калуга.

Обратимся к выяснению состава хлеботорговцев XVIII столетия, отправлявших хлеб в Москву. Указанное количество хлеба было привезено 79 торговцами. Преобладающее значение имели в сплаве хлеба олдовские торговцы — их было 34 чел., или 43,3% всего числа; за ними следуют калужане — 15 чел. Жители остальных городов, включая Москву, численно занимали значительно меньшее место. К гостининой сотне принадлежали 4 хлебных торговца, купцов 1-й гильдии насчитывалось 6, купцов 2 гильдии — 1, купцов без обозначения гильдии — 60 и крестьян (из сёл Дединова и Белоомута) — 8. Купцами 1-й гильдии были 4 москвича (Ал. Замятин, Степан Сайкин, Андрей Кожевников и Дм. Митрофанов) и 2 калужанина (М. Мешков и Григорий Следнев). Трое Серебрянниковых значились как «серпуховитяне гостининой сотни», то же звание имел «рыльский житель гостининой сотни Александр Васильев сын Мальцев». Не всегда эти купцы были крупными торговцами. Из носивших звание гостининой сотни Серебрянниковых только один Иван продал свою партию хлеба на крупную сумму — 3454 рубля. Остальные торговали на 800—1200 рублей. Из трёх купцов 1-й гильдии только один, Степан Сайкин, привёз четыре партии хлеба на 4854 рубля.

В общем в сплаве хлеба преобладающую роль играли крупные купцы. Всех торговцев можно разбить на 3 группы: 1) с оборотом до 1000 руб., 2) с оборотом от 1000 до 2000 р. и, наконец, 3) свыше 2000 руб. на купца. На самую мощную группу, с оборотом свыше 2000 р. на каждого купца, состоявшую

дования хлебной торговли в России. Т. III. Ч. I, стр. 138 147; т. III, ч. II, стр. 325.

¹³ Словарь географический, собр. Щекатовым. Ч. II, стр. 327; ч. V, стр. 427.

¹⁰ Словарь Географический Российского государства, собр. Щекатовым А. Ч. IV, стр. 821 М. 1805.

¹¹ См. о различной грузоподъёмности судов типа коломенки. Чулков М. «Историческое описание российской коммерции». Т. I, кн. 2-я, стр. 76, 95. СПб. 1782.

¹² Труды экспедиции Вольно-Экономического и Русско-геогр. общества для исслед-

из 22 торговцев (из общего числа 79) приходится более половины всего сплава, или 59,7%. Они продали хлеба на 87,7 тыс. руб. из общей суммы 146,9 тыс. руб. Следующая группа, с оборотом от 1000 и до 2000 руб., состояла из 35 торговцев и продала хлеба на 45,9 тыс. руб., что составило 31,2% от общего оборота. Группа со средним оборотом, до 1000 руб., состоявшая из 22 торговцев, продала хлеб всего на 12,3 тыс. руб. — 9,1% от общего оборота. Таким образом, преобладающее значение имела численно небольшая группа торговцев, державшая в своих руках более половины всего оборота. Средний оборот на каждого купца этой наиболее мощной группы составлял около 4 тыс. руб., но среди них имелись купцы с ещё более крупным оборотом. Так, орловский купец Логин Лепешев привёз в 4 коломенках 7200 четвертей разного хлеба на 9199 руб.; орловец Иван Уткин привёз хлеба на 9858 руб., дединовец Пётр Шустов доставил из Орла две партии хлеба на 5849 рублей.

Надс заметить, что в привозе хлеба в Москву из Орла и Мценска роль московских купцов невелика, на их долю приходится 18,9 тыс. руб. оборота из общей суммы 146,9 тыс. руб., первое место принадлежало орловским купцам, оборот которых составлял 59,5 тыс. руб., или 45% всего оборота, зафиксированного в нашем источнике.

Дальнейшее изучение нашего источника позволяет выяснить ряд особенностей в оборотах отдельных групп торговцев по различным категориям хлеба. Наиболее дорогой хлеб, пшеницу, мы находим преимущественно у крупных купцов. Из общего количества 20 300 четвертей пшеницы — 16 630 четвертей привезено в Москву 18 торговцами, оборот каждого из которых значительно превысил 2000 рублей. Хлебные торговцы с оборотом от 1000 до 2000 руб., в количестве 18 купцов, привезли пшеницы 2,9 тыс. четвертей, а купцы с оборотом до 1000 руб. в сплаве пшеницы играют совсем ничтожную роль. Несклько иное распределение товара по группам купцов мы видим в отношении дешёвого хлеба — ржи. Здесь общее количество ржи более равномерно распределено между тремя группами. Наибольшее количество — 41,9 тыс. четвертей, или 47%, — привезли купцы с суммой привоза свыше 2000 руб. каждый; таких имеется 21 торговец — 34,5 тыс. четвертей доставили в Москву 34 купца со средним оборотом 1000—2000 руб., затем — 16 купцов с привозом до 1000 руб. привезли около 12 тыс. четвертей ржи. Таким образом, торговля пшеницей была под силу только крупным купцам, тогда как в торговле ржью принимала участие вся масса купечества.

Обращает внимание то обстоятельство, что торговля ведётся целыми семьями. Среди орловских купцов находим четырёх Сенчуговых — Данилу Григорьевича, Самойла, Андрея и Филиппа, — их общий оборот составил 5236 руб.; трое орловцев Уткиных привезли в Москву хлеба на 11 360 рублей. Среди калужан имеем трёх Свешниковых, из Серпухова — четверых Серебряниковых. Четверо дединовцев Шустовых привезли

хлеба на крупную сумму — 19 тыс. рублей. Купец из Коломны Тимофей Никитич Ложечников привёз в Москву из Орла на трёх коломенках ржи и ржаной муки на общую сумму 4305 рублей.

Таможенные книги дают богатейший материал по истории цен в России. В разбираемой книге перед нами проходят оптовые цены хлебного рынка Москвы. Необходимо отметить крайнюю пестроту цен. Пшеница была продана в Москве по различным ценам, от 1 руб. 76 коп. до 2 руб. 20 коп. за четверть, т. е. максимальная цена выше минимальной на 25%, цены на рожь колебались от 65 до 83 коп., или на 27,6%; по ржаной муке — от 45 коп. до 79 коп., или на 75%, и т. д.

Значительную разницу между высшей и низшей ценой можно объяснить, с одной стороны, разным качеством хлеба, различием в сортах, с другой стороны, — различным временем продажи хлеба. В нашу книгу вошла каждая партия хлеба, тогда же по привозе её в Москву, но без обозначения цены. Цена проставлялась, лишь когда уплачивалась пошлина, для расчёта которой надо было знать, на какую сумму продан хлеб и по каким ценам. Вышлись об уплате пошлины выдавалась купцу большей частью в сентябре — октябре и даже в ноябре. Из напечатанного в Полном Собрании Законов¹⁴ наказа гостю Сергею Лабанову о сборе в Московской большой таможене 1698 г. следует, что пошлина должна была быть уплачена не позднее, чем через 4 недели после «явки» и поручительства, однако трудно сказать, насколько это правило выполнялось. Повидимому, хлеб, привезённый в Москву главным образом весной и записанный в нашу книгу, продавался в разное время, как в период высоких цен — весной, так и во время низких цен — после сбора урожая. Таким образом, хлеб, привезённый в апреле — мае, мог быть продан значительно позднее.

Но в таможенной книге отразились преимущественно высокие цены на хлеб. Например, цены на рожь колебались от 65 коп. до 83 копеек. Однако по ценам от 83 до 75 коп. было продано 70% всего хлеба, а остальное количество — по более низким ценам — от 74 до 65 коп. Таким образом, перед нами в большинстве случаев высокие цены московского оптового рынка, преимущественно, вероятно, за весеннее время.

Наряду с большими колебаниями хлебных цен следует отметить указание нашего источника на весьма значительное расхождение цен на рожь и пшеницу. В 1909—1913 гг. средние оптовые цены на рожь в потребляющей полосе были 92,1 коп. за пуд и на пшеницу — 1 руб. 20,4 коп. за пуд, т. е. цена пшеницы была выше цены ржи на 30,7%. Между тем в первой половине XVIII столетия, по нашему источнику, средне-взвешенная цена ржи составляла 76,2 коп. за четверть, а цены пшеницы — 2 руб. 01 коп., т. е. последняя была дороже ржи более чем в два с половиной раза, или на 163%.

¹⁴ Полное Собрание Законов Российской империи (1 изд.). Т. III, № 1641.

Важно проследить, как складывалась эта цена московского рынка, как она нарастала, начиная с местной цены в орловской деревне, выяснить её слагаемые и установить основные ценообразующие факторы. Для этого следовало бы привлечь также материалы провинциальных таможен о местных, так сказать, заготовительных ценах. Однако и в пределах одной таможенной книги можно установить некоторые особенности ценообразования того времени. Уплата пошлин не всегда производилась полностью после продажи товара, чаще купец уплачивал часть пошлин ещё на месте покупки или с места отгрузки хлеба, т. е. в Орловской или Мценской таможнях. Там он платил пошлины с суммы денег, которую он затратил на покупку товара, и притом лишь половину причитающейся пошлины, а затем, продав хлеб в Москве, он доплачивал пошлину на всю сумму продажи. Второй платёж в Москве записывался как уплата с «прибылой цены», т. е. с прибыли от продажи хлеба в Москве с указанием общей суммы этой прибыли. Сравнивая стоимость партии хлеба по «зачётной» выписи на месте отгрузки с прибылой ценой в Москве, можно определить, в каком размере происходило нарастание цены. 82 записи (из общего числа 119) дают возможность определить как сумму, затраченную на покупку хлеба на месте, так и его продажную стоимость, т. е. установить разницу между стоимостью хлеба по местным ценам и продажным в Москве. По этим 82 записям на покупку хлеба на месте было затрачено 61 171 руб., а продажная стоимость его в Москве составила 85 тыс. руб., т. е. 72% этой суммы приходится на местную цену и 28% нарастало в Москве. Таким образом, на каждый рубль, вложенный в Москве торговцем за свой товар, приходилось 72 коп. на заготовительную цену и 28 коп. — на прибыль и торговые издержки. При этом можно установить, что цена в Орле была выше, чем в Мценске (вероятно, издержки по провозу товара в последнем случае выше); по мценским выписям, на прибыльную цену приходится 41% от общей продажной цены, и лишь 59% — на местную цену, а в орловском хлебе прибылая цена составляла только 25,5%. В состав этой прибылой цены входили как прибыль торговца, так и его расходы, а именно, транспортные издержки, расход на персонал, процент на капитал и, наконец, таможенная пошлина. Последний из этих ценообразующих факторов — размер пошлины — может быть точно установлен по нашей книге.

Пошлина на торговый оборот падала в размере 5% с продажной цены. При этом, если пошлина уплачивалась ещё в Орле или в Мценске с суммы денег, затраченных на покупку хлеба, то там уплачивалась лишь половина её — 2½ коп. с рубля. В Москве доплачивались остальные 2½% с местной цены и, кроме того, — 5% с прибылой. Сверх этой 5%-й пошлины взимались «четвериковый сбор по мере» (5 коп.) и так называемый сбор «от пристани», при разгрузке судна, большей частью в размере 1 руб. с коломенки и 50 коп. с барки, сверх того платились

«накладные» в размере 10% от общей суммы предыдущих пошлин и сборов. Для определения общей тяжести обложения отберём, в целях большей простоты подсчёта, таможенные записи, в которых указана уплата в Москве на месте продажи полной пошлины. Таких имеется 34 «явки»: в остальных уплачивалась в Москве только часть пошлины, поэтому мы их не принимаем в расчёт. По этим 34 партиям хлеба общая сумма всех указанных выше видов пошлин и сборов составляет 3254 руб. при общей сумме оборота по продаже хлеба 56 326 руб., следовательно, таможенные сборы падали на оборот в размере 5,8%. Однако следует иметь в виду, что как в предшествующих операциях по купле-продаже, так и в последующих сделках также взимались пошлины. Поэтому доля этого фактора в ценообразовании в целом была выше указанной цифры.

Перейдём к рассмотрению других данных, характеризующих хлебную торговлю в Москве, именно к записям той же Померной таможни, регистрировавшим привоз хлеба гужом. Таможенные книги по регистрации гужевых привозов сохранились далеко не полностью, но всё же и они представляют обширный материал. Остановимся в качестве примера на некоторых данных за два года — 1731 и 1737 гг. — причём за каждый год, не полностью отразившийся в нашем материале, выберем данные по одному месяцу, осенью и зимой. В книге записей привоза хлеба за последние три месяца 1731 г. попытаемся подсчитать и свести вместе данные за сентябрь, точнее говоря, за время с 12 по 30 сентября, по которому уцелели записи¹⁵. Здесь записан 401 привоз в Москву с общим количеством 7313 ¼ четвертей хлеба на сумму 5213 руб. 83 коп. Подлежащее количество, или ⅓ этих грузов, приходится на дешёвый хлеб — рожь, озёс, ржаную муку, — доля дорогой пшеницы, напротив, ничтожна. Этим гужевой привоз резко отличается от привоза водой, где у крупных купцов, несмотря на преобладание ржи, всё же доля пшеницы была несколько выше. Из привезённых гужом 7313 четвертей на долю ржи приходилось 2905 четвертей, овса привезено было 1936 четвертей, а пшеницы — только 334 четверти, пшеничной муки — 89 четвертей.

В таможенных записях отмечалось, кому принадлежал привозимый хлеб, что помогает представить социальную структуру хлебного рынка. В сентябре 1731 г. наибольшее значение имели в московской хлебной торговле крестьяне, лавочки и «кулаки»; кроме них упомянуты дворяне, ямщики, дворники, хлебники. Из сентябрьских таможенных «явок» на долю крестьян приходится 109 «явок», кроме того в таможне зарегистрирован был хлеб, принадлежавший 104 лавочникам, 152 «кулакам», 5 дворянам и т. п. Среди лавочников преобладали торговцы с Болота (33 чел.), были также представлены лавочки с Арбата, Тверской ул. и др.

¹⁵ ЦГАДА. Ф. Камер-коллегии, книга тамож., визка 18, кн. 58.

Кого разумели таможенные купцы под «кулаками»? Ответ на этот вопрос можно найти в литературе первой половины XIX века. Кулаками называли тогда мелких комиссионеров или посредников. Литератор 40-х годов XIX столетия И. Т. Кокорев в своих очерках московской жизни даёт яркую картину хлебного торга. По словам Кокорева, крестьяне привозят хлеб с тем, чтобы продать его в тот же день, без переночёвки, и тут к ним на помощь является кулак-посредник. Не имея своих средств на самостоятельную покупку хлеба у крестьян, кулак ведёт 10—15 крестьянских возов к знакомому покупщику и получает барыш и от продавца и от покупателя. Кулак — «комиссионер или сводник», который «то сводит двух хлеботорговцев, из которых один нуждается в деньгах и рад бы с убытком переменить на них товар, а другой, при богатстве наличными, не прочь купить дешёво; то отправляется близ святой недели к заставе сторожить воза с гремями, даёт задаток за один, за два, везёт к мяснику и получает известный процент за труд»¹⁶.

В нашем источнике, в таможенной книге Померной таможи за 1731 г., кулаки упоминаются неоднократно, например «кулак Гаврило Васильев купил на дворе господина Толстого ржи 20 четвертей...», или «кулак Лазарь Лукьянов купил у крестьян 2 воза муки ржаной, воз овса, муки смерено 5 четвертей»¹⁷.

Гужевой привоз хлеба в сентябре 1731 г. распределялся между основными категориями владельцев следующим образом:

	Число лиц	Хлебное зерно в четв.	Руб. коп.
Кулаки	152	2 035	1 260—04
Лавочники . . .	104	3 418	2 745—57
Крестьяне . . .	109	915	722—21
Прочие	31	945	486—41
Итого	396 ¹⁸	7 313	5 213—83

Наиболее мощной группой являлись московские лавочники, на долю которых приходилось около половины всего завозимого хлеба, а в ценовом выражении — даже более половины всей суммы. Кулаки численно преобладали, но доля их в общем обороте значительно уступала лавочникам.

Крестьяне завозили наиболее мелкие партии. Крестьянский привоз не превышал 30 четвертей на одно лицо, а чаще составлял не более 10 четвертей. У лавочников преобладали партии свыше 50 четвертей, кулаки регистрировали в таможе по 10—20 четвертей каждый, кулаки и лавочники не привозили хлеб издали: они скупали его здесь

же, в Москве, у крестьян, у помещиков и других лиц и затем покупной хлеб регистрировали в таможе и уплачивали пошлины. Кулаки покупали хлеб преимущественно у крестьян; лавочники, приобретавшие более крупные партии, чаще имели дело с помещичьим хлебом.

Книги Померной таможи за последующие годы несколько отличаются по своему характеру. За 1737 г. среди «явок» отсутствуют кулаки; это следует, повидимому, объяснить тем, что в таможе в это время не регистрировали посредников, а имели дело только с продавцами — крестьянами, помещиками и др. Это обстоятельство позволяет расширить наблюдения над структурой хлебного рынка и представить районы, откуда поступал хлеб в Москву. Таможенная книга за 1737 г. носит название «Книга записная сего 1737 году Померной таможи возовому привозному всякому хлебу»¹⁹. Ввиду громоздкости и вместе с тем неполноты этого материала привлечём для настоящей статьи лишь данные за один зимний месяц, февраль 1737 года. За этот месяц имеется 800 записей привоза отдельных партий зерновых продуктов возами. В каждой записи нередко внесены несколько крестьян или купцов, составлявших, повидимому, один обоз. Приведём примеры записей из этой книги: «явил Коломенского уезда села Мячкова Сила Яковлев 5 возов ржи мерою 13 четвертей по 80 коп. за четверть», всего на 10 р. 40 к., пошлин взято 80 коп.; «явил камер-коллегии асессора князь Андрея Михайловича Щетинина человек Григорей Васильев 8 возов житарию порука в пошлинах Тихон Соколов, всего 16 четвертей по 80 коп., итого на сумму 12 руб. 80 коп.; пошлин взято 74¼ коп.; «явили купцы з Болота Тимофей Михайлов 2 воза ржи, 4 четверти по 98 коп.; з Балчуга Иван Петров 1 воз ржи, 2 четверти, 2 четверика по 80 коп.; Алексей Леонтьев 3 воза ржи», 11 четвертей по 80 коп. Всего на 11 руб. 32 коп.; пошлин взято 65¼ коп.

При всей краткости эти записи позволяют выяснить количество привезённого хлеба, нередко — место отправления хлеба, социальный состав торговцев, цены и т. п. Только за один февраль было завезено около 16 тыс. четвертей хлебных грузов, число лиц, привозивших хлеб, составило 1138 чел. В нижеследующей таблице приведены итоги подсчётов этих данных по записи в Померной таможе хлеба, привезённого в Москву гужом за февраль 1737 года²⁰.

Привезли	Число лиц	Число возов	Количество хлеба в четвертях	Сумма в рублях и копейках
Купцы	371	2 218	4 733 3/4	4 195 р. 06 к.
Лавочники . . .	150	712	1 777	1 742 р. 38 к.
Дворяне	139	662	4 055	3 953 р. 40 к.
Крестьяне . . .	336	1 573	4 050 1/4	4 320 р. 78 к.
Прочие	119	576	1 375 1/2	1 237 р. 51 к.
Итого	1 135	6 839	15 990 1/2	15 449 р. 13 к.

¹⁶ Кокорев И. «Очерки Москвы сороковых годов». Редакция и вступительная статья Н. С. Ашукина, стр. 1572. Изд. «Academia». М.—Л. 1932.

¹⁷ ЦГАДА. Книги тамож. Камер-коллегии, вязка 18, № 58, л. 25, л. 19, л. 20.

¹⁸ Из 401 «явки» в разработку вошли 396.

¹⁹ ЦГАДА. Ф. Камер-коллегии, книга тамож. вязка 24, кн. 65.

²⁰ Одна запись из 800 (в 14 возов) не могла войти в разработку.

Большая часть хлеба принадлежала купцам и лавочникам вместе, следующее место занимал помещичий хлеб, почти наравне с ним стоял крестьянский хлеб. Больше всего завозилось гужом ржи — 49,4% всего количества; значительно меньше овса (9,7%), пшеницы (7,7%), муки ржаной (6,2%), затем крупы, конопли, гороха и пр.

Значительная часть лавочников, как указано в таможенной книге, имела лавки на Болоте или торговала на Балчуге, а также на Арбате, Сретенке и т. п.

Среди помещиков, продававших в Москве хлеб в феврале 1737 г., встречаются видные фамилии того времени, как князь Волконский, князь Шетинин, Бибиковы, Хитрово и др. Обращает внимание продажа хлеба родственниками, целым гнездом той или иной фамилии. Можно сделать предположение, что это связано не только с разветвленностью той или иной дворянской семьи, живущей в Москве: возможно, что родственники и соседи по имени совместно снаряжали в Москву обозы хлеба. Генерал И. И. Бибиков отправил со своим «служителем» и «человеком», т. е. с крепостным, на 28 возах 59 четвертей хлеба; майор В. П. Бибиков продал 62 воза, или 142 четверти, а всего четверо представителей семьи Бибиковых «явили» в таможе в течение одного месяца 171 воз, или 407 четвертей хлеба и конопли. Князя Волконские продали 153 воза, или 365 четвертей; князь Шетинин, ассесор Камер-коллегии, отправил 60 возов, или 144 четверти. Служители майора П. В. Лихарева, а также «казначей» А. К. Лихарева «явили» в таможе 170 возов. Капрал Семёновского гвардейского полка А. Остафьев через своего «человека» Дависа Андреева продал в феврале 137 возов ржи и 6 возов гороху и т. д. К сожалению, таможенные записи не содержат сведений о пунктах отправления помещичьего хлеба.

Доля хлеба, поставляемого в результате крепостнической эксплуатации помещиками, была ещё выше, чем об этом свидетельствуют приведённые в таблице цифры. Купцы и лавочники также регистрировали хлеб, который они скупали у помещиков, а также у крестьян, продававших его в Москве. Об этом имеются, хотя и неполные, сведения в нашем источнике; в записях хлеба отдельных купцов и лавочников отмечено, что этот хлеб куплен ими «в доме господском» или «у крестьян». Эти указания сведены нами в следующей таблице:

У кого куплено	Купцы	Лавочники
	в четвертях	
У крестьян	360	150,75
В доме господском	606,5	693
Без обозначения	3 767	921
Итого	4 733,5	1 764,75

Таблица даёт представление о происхождении части хлеба, находившегося в руках лавочников и купцов. Несмотря на неполноту этих данных, они свидетельствуют, что скупщики покупали зимой поме-

щичий хлеб в самой Москве и, повидимому это играло большую роль, чем скупка ими хлеба у крестьян, завозивших его в Москву. Конечно, наши данные не говорят ещё ничего о скупке хлеба за пределами столицы или в производящих районах, но всё же они указывают на значительную роль помещичьего хлеба на московском рынке.

В отношении дворян и купцов имеются любопытные, хотя и немногочисленные указания на своеобразный способ обеспечения уплаты внутренних пошлин. Продавец хлеба оставлял в закладе деньги, повидимому, в том случае, когда «явка» хлеба в таможе была значительно отдалена по времени от продажи хлеба и владелец не имел возможности уплатить пошлины. В отдельных случаях записана отдача в заклад, т. е. в залог, кафтана, шапки и даже людей. Например 1 февраля «явил дому майора Петра Лихарева человек Яков Михайлов» 4 воза пшеницы и 2 воза ржи, и оставлен «в закладе» крестьянин Иван Меркурьев». В тот же день купец Иван Трескин, привезший 17 возов ржи, крупы и пшеницы, «оставил в закладе» крестьянина Степана Григорьева и т. п.

Весьма ценными являются сведения о продаже хлеба крестьянами. Хотя у нас не имеется точных сведений о том, откуда поступал крестьянский хлеб, но в отношении каждого крестьянина, продавца хлеба, указаны его происхождение, уезд и деревня, откуда он родом. Эти сведения были бы весьма важны, если допустить, что крестьяне возили хлеб из своей деревни. Допущение это можно подкрепить отсутствием, по крайней мере за данный месяц, указаний на крупный привоз хлеба отдельными крестьянами. Большей частью крестьяне привозили по 1, 2, 5 возов, реже больше этого количества, хотя имеются отдельные привозы на 12—14 возах. Это позволяет видеть в большинстве из них непосредственных производителей, везших в Москву свои избытки, или сравнительно мелких скупщиков. Однако эта неопределённость заставляет относиться с осторожностью к нашим данным и требует дополнительного изучения на более широком материале.

Обращает внимание сравнительно небольшой радиус территории, откуда происходили крестьяне, привозившие зимой 1737 г. в Москву хлеб. На первом месте стоят крестьяне Коломенского уезда, что отчасти связано с тем, что через Коломну, как мы видели, шёл поток хлеба с юга как водой, так и сушией. Затем крупное значение имели привозы крестьян Переяславль-Рязанского уезда и соседнего с ним Рязского уезда. Если к ним прибавить привозы крестьян соседнего Михайловского уезда, а также отдельные привозы из Пронского, Данковского, Шацкого уездов, то получим тот Рязанский район, который издавна, ещё в XVI—XVII вв., славился как обильный, богатый край, снабжавший Москву хлебом. Следующее место по привозу хлеба занимал крестьяне Московского уезда, к которому следует присоединить также немногочисленные привозы крестьян Вяземского и Можайского уездов. За ними следуют крестьяне Белёвского и Кашырского уездов, к которым надо

прибавить также отдельные поступления хлеба от крестьян соседнего Тульского, и далее имеются единичные указания на крестьян Новосильковского, Елецкого, Лихвенского уездов. Следует отметить ярославцев, довольно многочисленных, вероятно являвшихся торговцами-скупщиками; совсем редки указания на крестьян владимирских, костромских и др. В целом эти сведения очерчивают территорию уездов, примыкающих к Москве преимущественно с юга и включающих Подмосквозный, а также Рязанский и Тульский районы.

Приведённые сведения из таможенных книг по Москве показывают крупное значение этого исторического источника. Наши наблюдения, сделанные пока по небольшой части этого материала, должны быть расширены и подтверждены путём дальнейшей разработки всего сохранившегося делопроизводства внутренних таможен. Дальнейшая разработка должна также осветить вывоз хлеба из Москвы; повидимому, большое значение имела отправка хлеба в Петербург. Эта сторона хлебной торговли требует самостоятельного рассмотрения.

Подводя итоги нашим наблюдениям, следует отметить крупное значение водного пу-

ти по Оке и Москве-реке для снабжения хлебом города Москвы — этим путём шёл сюда хлеб из Орла и Мценска преимущественно весной. В этой хлебной торговле и в водных перевозках принимали участие наиболее крупные купцы. Гужевой привоз осуществлялся купцами, крестьянами и помещиками. Крестьяне возили хлеб из Московского, Коломенского, а также из Рязанского, Рязжского, Тульского уездов, т. е. районы привоза хлеба крестьянами мелкими партиями лежали сравнительно недалеко, главным образом к югу от старой столицы.

Значительный интерес представляют также данные о привозе помещичьего хлеба. Эти сведения говорят о достигнутой уже в известной степени товарности сельского хозяйства, как помещичьего, так и крестьянского. Наши сведения показывают также большую активность на хлебном рынке посредников и комиссионеров («кулаков»), а также купцов и московских лавочников. Наконец, источник даёт богатый материал по истории цен. Дальнейшая, более полная разработка материала внутренних таможен XVIII в. должна раскрыть со значительной полнотой и выпуклостью организацию внутренней торговли, её социальную структуру, изменения цен, географию торговли и т. п.